

ПРОЛОГ

Небольшое здание из грязно-серого камня — четыре этажа вокруг внутреннего дворика — было практически незаметным. Оно ничем не отличалось от других таких же, построенных в пятидесятые и шестидесятые годы. Случайный прохожий никогда не взглянул бы на него еще раз.

Только вот случайных прохожих здесь никогда не было. Их просто не могло быть на маленьком закрытом острове в пяти милях от западного побережья Норвегии, входящем в группу островов Фруан. Собственного названия у него не было.

Трижды в неделю к острову подходили катера с эмблемой Министерства здравоохранения. Если же к острову пыталось пристать сбившееся с пути из-за постоянных туманов или неисправное рыболовецкое судно, его встречали одетые в хаки мужчины с вежливыми улыбками и холодными взглядами. Вот почему никто из посторонних не мог увидеть четыре сторожевые вышки и трехметровый электрифицированный забор, окружающий странное учреждение.

Хотя что может быть странного в том, что в непримечательной во всех отношениях психиатриче-

ской лечебнице содержались люди с расстроенным сознанием и неуравновешенной психикой? Ничего! Если бы из «прошлой жизни» каждого ее обитателя не тянулся зловещий след самых кровавых злодеяний — убийств, насилия, разбоев, грабежей.

Это была специальная психиатрическая лечебница для особо опасных преступников, содержать которых, вполне естественно, необходимо в особо охраняемом месте. Все потенциальные риски здесь были сведены к минимуму. Медицинский и обслуживающий персонал проходил тщательную проверку, а постоянное видео- и аудионаблюдение давало надежную гарантию от возможных побегов и бунтов.

Впрочем, за несколько десятков лет существования клиники никому не удавалось совершить такой побег. Хотя две-три неуклюжие попытки все-таки были зафиксированы. А вот бунты не случались никогда. И, конечно, главная заслуга в этом принадлежала формам и методам применяемого лечения. Конечно, здесь был и электрошок, и экстремальные термальные процедуры, но применялись они лишь в исключительных случаях, отнюдь не чаще, чем в любой обычной психиатрической лечебнице. Основным было медикаментозное направление лечения, а главной заботой учреждения — вовсе не душевный покой пациентов, а их усмирение. Поэтому здесь усиленно применялись препараты, чье воздействие на человеческий разум было еще не до конца изучено, а последствия — не всегда предсказуемы. А уж дозы...

С первым же приемом лекарств наступали апатия, медлительность, инертность. Взгляд становился затуманенным и рассеянным, походка — медленной и неуклюжей, движения расслабленными и плохо скоординированными. Явления эти полностью совпадали с наблюдениями за теми, кто подолгу принимает антипсихотические средства, и в клинике воспринимались как нечто вполне естественное.

Ни один пациент еще не покинул клинику излечившимся.

Раздвижная дверь палаты № 2С медленно открылась, и пациент замер у входа, ожидая приближения санитаря. Очередная рутинная процедура: санитар отведет его в пункт приема лекарств. Для передвижения на столь короткие расстояния на него не стали даже надевать специальный пояс, который дистанционно выполнял функцию мощнейшего электрического разрядника. Многомесячное применение транквилизаторов и антидепрессантов полностью подавило волю пациента. Из уголка рта на подбородок стекала струйка слюны, голова была опущена и слегка подрагивала. Станным оказался лишь короткий, цепкий взгляд исподлобья, тут же потухший. Но кто мог это заметить?

В открытом кабинете фельдшера пациент получил три таблетки из рук коренастого человека средних лет в белом медицинском халате. Он проглотил лекарство, а затем открыл рот, показывая, что не спрятал его под языком или за щекой. В этот мо-

мент фельдшер, стоя спиной к камере наблюдения и отгородившись телом пациента от взгляда охранника, расположившегося в маленьком коридорчике на стуле напротив открытой двери лазарета, засунул под его рубашку чип-карту и еле слышно прошептал:

— Через полчаса. По сигналу.

Это время пациент провел, лежа на жестком топчане в кабинете фельдшера, в полной неподвижности, уставясь остекленным взглядом в потолок. Он был готов...

...Около двух месяцев назад в дом фельдшера в Тронхейме явились двое незнакомых людей. Фельдшер жил один: жена умерла десять лет назад, а двадцатилетняя дочь обучалась во французском университете модной профессии ландшафтного дизайнера. Глупая девочка! А может, это воздух Парижа и пьянящее чувство свободы вскружили маленькую головку неопытной норвежской провинциалки?! Дочка без ума влюбилась в черноволосого красавца-араба с параллельного факультета. Они даже вместе приезжали к отцу в Тронхейм на несколько дней, растопили сердце нестарого вдовца своей пылкой любовью и получили отеческое благословение. Тем более что дочка оказалась уже на шестом месяце беременности и вскоре произвела на свет очаровательных мальчиков-двойняшек. Новопеченный дедушка был на седьмом небе от счастья и, не раздумывая, согласился, что юной маме с новорожденными лучше пожить на родине отца, в

теплом климате Средиземноморья, чем в туманной и промозглой северной Норвегии.

И вот теперь оттуда, из ливийского Триполи, появились в его доме эти страшные незнакомцы. Они показали десятки фотографий счастливого семейства и спокойно сообщили, что безоблачное будущее его внуков и дочери, и даже сама их жизнь целиком зависят от безусловного выполнения их распоряжений. Ради своих единственных близких фельдшер был готов на все.

Так он стал надежной «ниточкой» связи для пациента из палаты № 2С с внешним миром. Кроме того, фельдшер получил несколько упаковок таблеток, которыми надлежало поить пациента вместо предписанных в клинике. Таблетки творили чудеса: у заключенного прояснилось сознание, улучшилось настроение, появилась легкость, он ожил. Теперь ему приходилось притворяться: имитировать тяжелую шаркающую походку, пускать слюни, изображать человека, находящегося под действием нейролептика этаперазина. А еще одну таблетку фельдшер должен был дать обитателю палаты № 5А — старику с серьезным сердечным заболеванием и неоднократными приступами — строго в указанное время. Сегодня время пришло...

Пациент № 2С поминутно представлял себе каждый последующий шаг благодаря полученным через фельдшера инструкциям и никак не прореагировал на раздавшийся из динамиков переливчатый сигнал и голосовое объявление: «Код 3—4, Центральный портал, палата 5». Объявление прозвучало еще

несколько раз. Пациент почувствовал, как на плечо ему легла рука угрюмого санитара. Он открыл глаза и медленно поднялся. По инструкции учреждения по такой команде свободным санитарам надлежало немедленно явиться в указанное место, а все пациенты должны быть разведены по своим палатам и оставаться там под непосредственной охраной сопровождающих санитаров.

Медленный путь завершился у двери камеры. № 2С была на данный момент единственной обитаемой в небольшом отделении Западного крыла.

— Проходи!

Пациента на нетвердых ногах качнуло в сторону коридора, и санитар автоматически вытянул руку, чтобы поддержать его, а потом легким пинком отправить в камеру-палату, как делал уже неоднократно. Но в этот раз пациент неожиданно резко и сильно рванул за вытянутую руку. На лице санитара отразились растерянность и паника: накачанный наркотиками, едва таскающий ноги заключенный вдруг проявил бурную активность — что случилось? Но уже в следующее мгновение колено пациента с силой ударило его в низ живота, а на открывшийся затылок обрушился мощный удар двух сцепленных рук. Без сознания санитар тяжело рухнул на покрытый пластиком пол.

Заключенный быстро переоделся в его серую рубашку и брюки, прицепил значок-пропуск, прикрыв фотографию клапаном кармана рубашки. Тело санитара он затащил в палату и нанес выверенный удар ребром ладони по сонной артерии. Теперь тот

уже не поднимет тревогу. Никогда. Пациент прислушался: ничто не нарушало внутренней тишины отделения, а вот снаружи еле слышно доносился шум винтов подлетающего вертолета. Значит, оставалось чуть менее трех минут. Заключенный устремился к выходу из отделения, а затем свернул налево, на черную, рабочую, лестницу. Проход на нее он открыл полученной от фельдшера карточкой-чипом.

У престарелого пациента палаты № 5А действительно случился приступ. Обследовавшие его на месте врачи клиники констатировали общее ухудшение состояния и развитие признаков сердечной аритмии. В таких случаях полагалось перевезти больного в отделение интенсивной терапии, то есть эвакуировать с острова. Мгновенно связались с Центральной клинической больницей и запросили вертолет или катер. Погода в этих широтах была крайне неустойчивой, поэтому врачи особых надежд на винтокрылую машину не питали. Однако в этот раз транспортный санитарный вертолет с опознавательными знаками Министерства здравоохранения появился удивительно быстро. Погрузку на борт больного старика организовали, пренебрегая многими бюрократическими процедурами: больному становилось хуже прямо на глазах, и появились серьезные опасения за его жизнь. Так пусть это случится в Центральной клинике. Через пять минут вертолет взмыл вверх, заложил крутой вираж в сторону моря и быстро скрылся в нескончаемой череде рваных низких облаков и густого серого тумана.

ГЛАВА 1

Герман Талеев медленно ехал по недавно заасфальтированной дороге к своей подмосковной даче, расположенной на самом краю небольшого лесного массива. Он редко бывал здесь. Гораздо реже, чем хотелось бы. Несмотря на очевидную публичность своей профессии — Талеев был журналистом, — он любил тишину и уединение. Может быть, он любил и рыбалку, только за все последние годы не имел ни одного случая проверить наличие у себя этого пристрастия. Ему обычно вполне хватало нескольких часов, проведенных в глубоком мягком кресле у полыхающего камина с коньяком и сигарой в руках. Без книг, телевизора и компьютера.

Сегодняшнее посещение этого «благодарного холостяка» оказалось неожиданностью для самого Талеева: ему позвонил человек, сама вежливая просьба которого являлась для Геры неукоснительным приказом. Не столько в силу служебной подчиненности, сколько из чувства глубокого уважения к личным качествам позвонившего. Никогда за много лет знакомства, постепенно переросшего в дружбу, они не встречались на людях. Этого тре-

бовала строжайшая конспирация, абсолютно необходимая в деле, которому Талеев посвятил лучшие качества своей неординарной натуры. И это была не журналистика!

Герман Талеев являлся одним из непосредственных командиров загадочной и таинственной организации, которую сами ее участники именовали просто Командой. Другого имени у нее не было. Да и кому оно могло понадобиться?! Ни один документ не подтверждал реальность ее существования. Никаких приказов и распоряжений, отчетов о проделанной работе и платежных ведомостей. Отсутствовала даже утвержденная внутренняя структура. Из всего дюжины штатных сотрудников с натяжкой можно было выделить трех командиров, которые имели непосредственную связь с Куратором. От него они получали задания, и дальнейшая свобода их деятельности не ограничивалась практически ничем. Однако при такой кажущейся внешней прозрачности решаемые Командой задачи были вполне реальны и жизненно необходимы. Команда действовала там, где заканчивались полномочия официальных властных и силовых структур. Причем использовала методы, зачастую вступающие в явное противоречие с официальной государственной доктриной и даже, случалось, декларируемыми морально-этическими принципами.

По большому счету на Команду работала вся мощь государства. В ее распоряжении были ресурсы всех силовых структур. К проводимым ею операциям привлекались сотрудники любого ведомства,

никогда и не подозревая об этом. Чаще всего такие привлекаемые были абсолютно уверены, что работают на «смежников» — ФСБ, МВД, ГРУ, — тем более что приказы о привлечении всегда исходили из таких заоблачных высот кремлевской власти, куда за разъяснениями или подтверждениями никто не рискует обращаться.

О существовании Команды знали только два человека. Причем Первый никогда не вмешивался в ее работу, а лишь сознавал и поддерживал необходимость самого присутствия этого подразделения в таком беспокойном пока еще мире. Это был Президент России.

Второй... Это и был Куратор. Владимир Викторович Алексахин, бессменный Помощник Президента РФ. Человек, на встречу с которым ехал сейчас журналист Талеев на свою собственную дачу.

Гера пошарил рукой в бардачке: ключ от въездных ворот дачи всегда лежал там. На этот раз найти его не удалось. Он попытался вспомнить, когда последний раз посещал свое загородное прибежище. Кажется, месяца три назад вместе с Сергеем Рединым. Или это Гюльчатай уговорила его отдохнуть на лоне природы? А, плевать. Придется вылезти из машины, зайти в дом и взять висящий на гвозде запасной ключ.

Никаких сверхсекретных замков на даче у Талеева не было, зато установлена надежная сигнализация с видеокамерами и датчиками движения, заведенная

на пульт опорного пункта милиции в четырех километрах отсюда. А еще сработает оповещение на его автомобильном навигаторе, подключенном к спутниковой системе слежения. Мало кто мог похвастаться такими наворотами. Так ведь и журналист Талеев — не первый встречный. Из всей Команды он единственный имел «официальное лицо». Причем такое, которое светило на всех этажах государственной власти. Он имел постоянную аккредитацию в Кремле, сопровождал первых лиц страны в их государственных визитах по всему миру, ему не отказывали в интервью самые медийные и закрытые лица.

Гера вышел из машины у незаметной калитки. Забор дачи был сплошной и достаточно высокий, но и сюда, на дорогу, проникал сильный запах свежешареного мяса, аромат специй и голубоватый дымок костра. Журналист громко кашлянул и открыл незапертую калитку. От мангала, расположенного слева от дома, к нему повернулся высокий подтянутый мужчина лет 45—50 в светлых поношенных джинсах и малюсенькой бейсболке с длинным козырьком на коротко стриженных седых волосах.

— По моим подсчетам, ты должен быть здесь уже 12 минут назад, — голос встречавшего был негромкий, но очень четкий, — небось поджидал за углом, пока шашлык не поспеет, чтобы самому руки не марать?

— Я просто не хотел лишать вас, Владимир Викторович, всей радости от приобщения к высокому

кулинарному искусству. Где вы там, за своей многозубчатой стеной, живой огонек увидите, дымком поперхнетесь...

Помощник действительно закашлялся, сплюнул и погрозил Талееву кулаком:

— Еще и накаркал, прорицатель! — Тыльной стороной ладони он протер глаза. — Загоняй машину — и прошу к столу-с!

Под большим дубом у Талеева располагался длинный деревянный стол со вкопанными вокруг скамейками. Сейчас весь стол был завален пучками разнообразной зелени и уставлен батареей бутылок с красочными этикетками. Гера неодобрительно покачал головой:

— А вот вы так и не даете мне проявить истинно русское гостеприимство и хлебосольно встретить почетного гостя на территории...

Владимир Викторович перебил:

— Да-да-да, твоя личная территория! Я и так, наверно, сделал ошибку, появившись тут, но очень уж захотелось всего вот этого. — Гость широким жестом обвел поляну перед домом. — А меры предосторожности я все принял. Ты ведь и здесь никого не видишь, и по дороге не заметил.

Талеев прекрасно знал, что Куратор никогда не передвигается без соответствующей охраны и машин сопровождения. Он не считал себя вправе менять установленный порядок для высоких госслужащих. А охраны Гера действительно не заметил.

— Что ж, предадимся смертному греху чревоугодия!

Через час, сытые и довольные, они переместились в дом и устроились в гостиной у тихо потрескивающего камина. Талеев закурил неизменную черную тонкую сигару, а Помощник перешел наконец к главной теме своего посещения.

— Мы с тобой давно не виделись, и я не имел возможности поделиться кое-какими интересными новостями. После событий на Шпицбергене ты вскоре уехал с Президентом в Вену, оттуда в Южную Америку. Да и сами-то новости были не теми, чтобы всерьез переживать, но они накапливались. А с какого-то времени меня начали одолевать смутные предчувствия...

Интуиция Помощника Президента служила притчей во языцех у всего государственного аппарата. Для Талеева, знакомого с ней не понаслышке, она давно была чуть не эталонным мерилом.

— ...Остановлюсь на главных новостях, в хронологическом порядке. Помнишь, в деле с фашистским кладом в переговорах террористов упоминался «Альтаир»? Ты еще предположил, что это может быть базой на одном из островов архипелага? — Журналист согласно кивнул. — Норвежцы тогда с помощью НАТО организовали круглосуточное патрулирование катеров в этом районе. Террористы обнаружили себя сами. «Альтаир» оказался скорее перевалочным пунктом и существовать сколь-нибудь длительное время автономно просто не мог. Бандиты решились на прорыв судоходной блокады. Вероятно, у них не было точных данных о количе-

стве задействованных в операции сил блока. Иначе не поперли бы на рожон! Им даже не дали далеко отойти от своего необитаемого островка. Из 25 человек 22 были уничтожены на месте. Трое взяты в плен. Двоих отправили в лагерь на Гуантанамо.

Владимир Викторович не спеша поднялся с дивана, поворошил кочергой догорающие дрова в камине и плеснул себе немного коньяка в пузатый бокал. Вернувшись на место, равнодушно спросил:

— А кто был третий, тебя не интересует?

— Боюсь вас разочаровывать, но, без сомнения, догадываюсь.

— ?

— Пожалуй, сейчас во всем мире у меня есть только один «знакомый» живой террорист. Разумеется, не считая бен Ладена! А о незнакомом вы бы и спрашивать не стали. Так что третий — это Азер.

— Bravo дедуктивному методу обожаемого тобой Шерлока Холмса!

Журналист раскланялся на все стороны, а Помощник продолжил:

— Он оказался разумнее своего хозяина Саллаха, а может, трусливее, и не ринулся очертя голову под пули и взрывы на шахту Грумант, а обходными путями сумел добраться до «Альтаира», справедливо рассчитывая на помощь, поддержку и «билет до Европы». Не срослось. А вот выжить и симулировать шизофрению получилось. И, надо думать, весьма талантливо. Потому что два или три консилиума местных психиатрических светил единодушно подтвер-

дили: да, болен, тяжело и безнадежно. И оставили его у себя в специализированной клинике-тюрьме для особо опасных преступников на каком-то норвежском острове.

— Могли бы мне хоть записочку черкнуть в Вену. Или в Бразилию с Венесуэлой. Все-таки мой почти крестник.

— Не мог, Гера. Потому что сам узнал обо всем этом совсем недавно. Черт бы побрал эту международную секретность и политкорректность!

— Значит, пустили козла в огород...

— Невысокого же, однако, ты мнения о европейских спецтюрьмах.

— Я достаточно высокого мнения о способностях Азера.

— Ладно, пропускаем события незначительные и малоинтересные. Переходим к апофеозу. Около месяца тому назад Азеру удалось совершить побег из этой лечебницы.

Талеев изобразил жест, который безошибочно можно было трактовать как «Я и не сомневался!».

— Об этом событии российское правительство уведомили официально.

— Уже достижение!

— Не иронизируй. В этом деле очень важны подробности, а вот как раз их-то и не было! Норвежские викинги всегда отличались неразговорчивостью и замкнутостью. Да-а-а... Что бы мы делали без наших хороших друзей в «Моссаде»? Видишь, какими окольными путями приходится добывать истину?

— И недешево, наверно?

— Тебе лучше не знать. Так вот, тюрьма эта числится на самом хорошем счету. Ни одного побега! И Азеру никогда не удалось бы вырваться оттуда самостоятельно, если бы не помощь извне. Нашлись заинтересованные люди, которые и провели всю организационную работу. Вычислили одного служащего с незапятнанной репутацией и большим стажем работы в лечебнице из числа среднего медицинского персонала. Его взрослая дочь обучалась в Сорбонне, вышла замуж за студента арабского происхождения и родила прелестную двойню. То ли молодые родители сами решили, то ли уже на этом этапе вмешались «заинтересованные лица», но юная семья уехала на родину мужа в Ливию. Дальше — дело техники: элементарный и беспроегрышный шантаж здоровьем и жизнью дочери и внуков. Фельдшер беспрекословно выполнял все требования: кормил пациента нужными лекарствами, передавал подробные инструкции и т.д. В день «Х» Азера вывезли из лечебницы на вертолете Министерства норвежского здравоохранения, который, естественно, принадлежал террористам и на несколько минут опередил посланный в клинику за настоящим тяжелобольным заключенным настоящий медицинский катер. Никаких следов, кроме брошенного на побережье вертолета, найти не удалось. Больничный фельдшер ничем не мог прояснить картину и повесился в КПЗ на рукавах собственной рубашки.

— Как элегантно! А главное, правдоподобно.

— Ты извини, Гера, у меня просто нет уже времени обсуждать нюансы. Эта новость меня очень встревожила, потому что я сделал элементарные выводы. Азер это не Саллах и в масштабах международного терроризма фигура мелковатая. Зачем понадобилось проводить многоходовую — и недешевую! — операцию по его освобождению? Цель может быть одна: использовать Азера на том участке, где только он сможет принести максимальную выгоду своим хозяевам. И тут я вспомнил один существенный нюанс.

Владимир Викторович озабоченно посмотрел на наручный хронометр:

— Ого, надо округляться! Налей-ка нам, хозяин, по чуть-чуть, а то у меня в горле пересохло от таких длинных речей. — Он подождал, пока будут наполнены рюмки. — Выпьем за вашу Команду. Чтобы работы у нее стало поменьше, а радостей побольше. И не только служебных...

— За НАШУ Команду!

Они дружно осушили рюмки, и Куратор продолжил:

— Так, о нюансе. Ведь Азер впервые появился на мурманском городском рынке еще до того, как началась вся эта история со Шпицбергенем. Появился практически ниоткуда, имея за спиной деньги и силу, в короткие сроки подмял под себя половину организованной преступности Кольского полуострова. Значит, его хозяева из Аль-Каиды уже тогда планировали серьезную активизацию своей деятельности в том регионе. Поэтому и был выбран Азер:

бывший офицер Военно-морского флота России, химик-подводник по образованию, ярый националист в душе. Мне сейчас готовят скрупулезное досье на него. Но ясно уже то, что Аль-Каида не отказалась от своих планов. Поверь, Гера, готовится крупный теракт.

— А не риск посылать Азера туда, где его знают?

— А кто знает? Вы — не местные, «повоевали» и уехали. Как крупная фигура в организованной преступности он еще не засветился и предпочитал всегда оставаться в тени. Да и логика, Талеев, вещь упрямая: только там Азер может быть максимально эффективен! Для того и вытаскивали именно его из норвежской психушки.

— Ну, в принципе не лишено правдоподобия.

Куратор хмыкнул:

— Знаешь, я ведь вначале хотел просто обговорить с тобой все эти подробности. Информация, так сказать, к размышлению. А теперь убеждаюсь, что надо конкретизировать свои опасения. Не так давно стало известно, что в городе Северодвинске Архангельской области на заводе СМП состоится торжественный спуск на воду новейшей подводной лодки. С тех пор как развалили в перестройку всю нашу промышленность, это первый выпуск корабля такого класса для российского флота. Намечается грандиозный праздник, который еще и совпадает по времени с днем рождения города. Дата круглая: Северодвинск получил статус города в 1938 году. Правда, тогда он назывался Молотовск. Будет много

самых высоких гостей: министры, депутаты, флотская верхушка. Ну, чем тебе не повод?

— Убедили, Владимир Викторович! Пусть даже это и не мурманская вотчина Азера. Да и сами данные о предстоящем спуске готовой лодки террористы действительно могли уже да-а-а-вно получить по любым каналам. И начать свою «подготовку».

В такт всем словам журналиста Куратор согласно кивал головой, потом негромко проговорил:

— А теперь уже и не секрет, что на спуске будет присутствовать Президент России.

— Что-о-о-о?! — не сдержался обычно прекрасно владеющий собой Талеев. — Это недопустимо!

— Прикажешь мне так и объявить Президенту?

— Ну, как-нибудь, во время встречи без галстуков... С применением всех ваших обязательных парламентских уловок... Слегка приоткрыть...

— Не переоценивай моего влияния на этого человека. Он не откажется, даже если десяток бен Ладенов закажут себе билеты до Северодвинска.

— Тогда я не знаю, — развел руками журналист, — может, мне с какой-нибудь статьей выступить, а? Разоблачить, предупредить...

— Зато я знаю. И в данном случае это уже будет моим тебе прямым приказом. Ты возглавишь, так сказать, вторую линию охраны Президента. Впрочем, думаю, что это будет первая — и главная — линия. Штатная охрана Президента и все силовые структуры будут осведомлены о твоём особом статусе. Неизменным останется и «красный код».

— Слушаюсь! — Абсолютно несвойственный Талееву ответ, вызванный, наверно, предельной серьезностью положения.

— Я понимаю, Гера, что такое задание никак не вписывается в «репертуар» Команды, но ты и ребята видели Азера воочию, сможете опознать.

— Владимир Викторович, я понимаю, что о строительстве и готовности новой лодки без труда можно быть осведомленным заранее. Это процесс длительный, завод большой, многое на виду... А вот как можно точно рассчитывать на визит Президента?

— Ну, здесь своя кухня имеется. Конечно, точную дату и время поездки никто вслух заранее не оглашает. Да ее просто нет. За исключением каких-нибудь официальных государственных визитов. А вот очень верные косвенные признаки существуют всегда. Представь: в «Новостях» показывают, как Президент общается с шахтерами где-то на Урале. Но это лишь одна (и далеко не всегда главная) причина визита. За несколько часов он успеваает получить ворох конкретной информации: и о строительстве какого-нибудь нового комбината в этом регионе, и о положении дел в Высшей школе, и об обеспечении квартирами льготников и очередников... Так вот, проблемы, доведенные до Президента таким способом, практически всегда разрешаются в самое ближайшее время. А те же бумаги будут месяцами и годами ходить по инстанциям без особой надежды. Так что для многих руководителей такой контакт с главой государства, возможно, единственная на-

дежда. А чтобы ее воплотить, у руководителя будет минуты полторы, а то и меньше! Значит, подробные бумаги должны быть подготовлены заранее. Вот затем и есть у каждого регионального начальника свое лобби в Думе, Сенате, в правительстве. Они вопросы поднимают, продавливают, согласовывают, выстраивают по порядку... И рано или поздно получают намек, что, мол, не дергайтесь, вот скоро в «ту степь» САМ поедет, тогда и... А вы готовьтесь! Поверь мне, без такого известия заранее половина проблем на местах решена не была бы! Вот и прикинь, сколько человек на всех уровнях еще за несколько недель осведомлены о предстоящем визите. Это я заранее отвечаю на твой вопрос о возможной утечке информации и эффективности ее обнаружения. Ну как, удовлетворил тебя?

— Безусловно! Думу, Сенат, правительство, партии — к стенке! А если серьезно, при такой организации не имеет никакого смысла пытаться до чего-то у вас там докопаться.

— И, несмотря на это, «у нас внутри» работает определенная служба. Успехи случаются чаще, чем ты думаешь. Но не в нашем теперешнем случае. Поэтому я и беседую с тобой. До торжественного спуска осталось четыре дня. Ты полетишь в Архангельск уже сегодня на ночном рейсе. Билеты заказаны. Там тебя встретят и доvezут до Северодвинска, это 35 километров.

— Да-да, Владимир Викторович, я знаю. Провел в тех местах несколько дней в приятной компании с

Рединым. Помните дело о доставке урановых стержней в Обнинск?

Куратор покивал:

— Кстати, я тут выяснил, что твой друг будет присутствовать на торжествах. Он же теперь заметная фигура в Комитете по контролю за сбором, захоронением и утилизацией ядерных отходов, а в Северодвинске такие работы постоянно ведутся. Так что это его хлеб. А тут сам Президент...

— Спасибо за подарок! Признайтесь, ведь это вы подсутились, а?

Куратор даже фыркнул, обиженно и ненатурально:

— Не царское это дело...

— Еще раз спасибо, шеф! А кто еще...

— У тебя карт-бланш. Возьми из Команды любого, «...можно даже двух!» — Владимир Викторович продекламировал слова из песни Высоцкого.

— А трех?

— Ох, Гера! Это ведь, конечно, Вадим с Анатолием и Галина Алексеева?

Журналист только скромно развел руками.

— Билеты на самолет заказаны и на твою Гюльчатай. Встретитесь в аэропорту. В курс дела введешь ее в полете.

— Да вы волшебник, шеф!

— Ребята будут встречать вас в Архангельске. Толя уже там, а Вадим прилетит за полчаса до вашего рейса.

— Ну, Владимир Викторович, ну... слов нет!

— Это у тебя-то слов нет?! Ладно-ладно, все я понимаю. И вовсе не о твоём комфорте пекусь! — Наро-

читая строгость и сведенные брови Куратора не могли обмануть и ребенка. — Прежде всего забочусь о себе. Ты мне еще нужен! А попробуй не дай тебе Гюльчатой, а? Да-да, и не кивай! Ты-то, может, и обойдешься, хотя вряд ли, а вот Галина Алексеева... Она девушка восточная, пылкая, может и не простить. Ее, кажется, где-то на советско-афганской границе нашли?

— Да, под Гератом. Наш спецотряд с задания возвращался и наткнулся на умирающую девочку лет двух-трех. Представляете, высоко в горах, на десятки километров вокруг никакого человеческого жилья, и — ребенок с почти смертельной огнестрельной раной, истощенная, обезвоженная. Как выжила — уму непостижимо. И все бормотала: «Гюиль!» Так и стала Гюльчатой.

— Зато теперь на четырех или пяти языках говорит, и боевая подготовка лучше, чем у любого профи-спецназовца! А красавица... И чего только ей какой-то ловелас-журналист приглянулся, не знаешь?

— Ну разве можно что-то скрыть от Куратора?! Только вовсе уж не ловелас! И отношения у нас как у командира с подчиненным. В основном... — гораздо тише добавил Талеев.

— Ну и дурак, — еще тише проговорил Помощник.

— Что-что вы сказали? — переспросил журналист.

— А? Нет, ничего. Говорю, что КПД вашей четверки просто поразителен! А с добавлением Редина мне всерьез начинает казаться, что в реальном мире нет проблемы, которую вы не смогли бы ре-

шить. — Он встал, подошел к камину и протянул к огню руки. — Ну вот, что-то меня на комплименты потянуло. «Старею, брат, старею». Да и расслабил ты меня великолепным коньячком, природой...

Журналист очень серьезно ответил:

— К сожалению, Владимир Викторович, тот мир, с которым нам приходится бороться, трудно назвать реальным. В нем господствуют извращенные законы и перевернутые принципы. Так что и ваша уверенность может оказаться...

— Моя уверенность, — резко перебил Куратор, — останется незыблемой, пока границы НАШЕГО мира защищает Команда!

В гостиной повисла пауза. Прервал ее сам Помощник:

— Эти четыре дня будут у вас на то, чтобы попытаться отыскать в городе следы Азера, вычислить место, время и способ проведения теракта. И предотвратить его. Ну а главная задача, конечно, — безопасность Президента. — Он задумался, негромко вздохнул и очень тихо добавил: — По крайней мере, постарайтесь избежать жертв.

ГЛАВА 2

В представительской машине ФСБ друзья подъезжали к Северодвинску глубокой ночью. Их было трое. Уже в аэропорту Талеев получил короткое сообщение на свой ноутбук, что в силу временно

непреодолимых причин Вадим вынужден слегка задержаться. Максимум на сутки.

— Жаль. — Журналист искренне огорчился. — У нас просто куча рутинной работы, каждый человек на счету.

— Патрон, это он специально. — Анатолий — молодой мужчина лет тридцати пяти, высокого роста с поразительно спокойным взглядом серых глаз — сидел впереди рядом с водителем. — Вадька нюхом чует всякую рутину и предпочитает самому не копаться в ..., вот и смастерил себе отмазку. Увидишь, придет время пострелять или ножички покидать — он тут как тут.

— Толя! Я уже устал с вами бороться по поводу обращения ко мне. Смирился с «шефом» и «командиром», с «боссом» и «патроном». Как угодно! Но при нашей теперешней легенде давай на время сохраним лишь «командира» и «полковника». А то ведь вовсе не правильно поймут в тех кругах, где нам предстоит общаться и работать. А если Президент услышит?!

— Позавидует. Его же так почтительно никто не назовет. Подумаешь, «господин...»! Но вот с «полковником» я не согласен! Меньше чем генералом ты просто по статусу не можешь быть.

— Ге-не-рал. — Гера попробовал слово на вкус. — Звучит, но в контексте требует «господина». Длинно. Тем более что я все-таки «журналиюга», среди присутствующих меня кое-кто знает. Остановимся на «командире». А ты что молчишь, Галчонок?

Сидящая слева девушка тряхнула головой, откидывая со лба прядь великолепных густых волос, окинула его взглядом больших черных глаз:

— Никаких проблем, командир!

С переднего сиденья чуть обернулся шофер:

— Подъезжаем. Товарищ... генерал, вас куда: в нашу спецгостиницу или в обычную?

Галя прыснула, а Талеев солидно распорядился:

— Остановимся пока в обычной. Надо быть ближе к простому народу.

«Город Северодвинск, как большинство закрытых городов, вполне можно отнести к моногородам, то есть к таким, жизнь которых зависела от функционирования какого-либо одного профильного предприятия. Здесь таких было два. Крупнейший в стране судостроительный завод СМП, специализирующийся на выпуске современных атомных подводных лодок, и судоремонтное предприятие «Звездочка», занимающееся в основном ремонтом тех же подлодок...

...Позади остались суровые годы перестройки, когда оба этих градообразующих предприятия находились на грани полного развала. Уже несколько лет как благодаря государственным субсидиям и инициативе руководства города и предприятий производство пошло в гору. Появились заказы на строительство и модернизацию подводных и надводных судов не только для России, но и для других стран. С появлением денег вновь заработали цеха по ремонту.

Значительно активизировался мелкий и средний бизнес: кафе, закусочные, бары, всевозможные магазинчики, центры бытовых услуг. Жизнь двухсоттысячного города восстанавливается...»

Почерпнув такую информацию из интернета, Талеев тяжело вздохнул: вряд ли им сейчас на руку этот расцвет мелкого предпринимательства, эти возрождающиеся рынки и все прочее. Вон и население каждый год растет: минимум за счет собственного «воспроизводства», а в основном — приезжие «трудовые ресурсы». Знаем, проходили. Половина действительно устраивается на заводы, а вот другая половина... Завтра в архивах милиции наверняка увидим существенный рост преступности. Никаких проблем с внедрением в город у криминала нет.

Но бумажных протоколов будет недостаточно. Надо пройтись по всем точкам, почувствовать, как и чем они живут. Толю отправим в местное отделение ФСБ как полковника из Москвы. Пусть добывает информацию. Мы с Гюльчатой займемся милицией. Она — в архив. Я — к руководству за людьми. А сейчас спать, спать!

Был шестой час утра первого дня.

Гостиничный номер заливал солнечный свет. Пусть он был не такой яркий, как в полдень, и не нес настоящего июльского тепла, но поражал непривычных жителей средней полосы уже самим своим существованием в одиннадцать часов вечера.

— Командир, давай шторы поплотней задвинем, а то я как-то раздваиваюсь: чувствую, что смертельно устала к концу дня, а с другой стороны — организм ни за что не желает расслабиться, пока этот «прожектор» над горизонтом висает. — Галина дождалась кивка Талеева и добросовестно задернула тяжелые плотные шторы на большом, во всю стену, окне. Только потом она с видимым облегчением опустила на мягкий диван рядом с Анатолием.

Снова втроем они собрались после долгих и утомительных визитов в запланированные присутственные места. Подробный отчет каждого из них уложился в десяток фраз и полминуты времени. А общий итог можно было сформулировать еще короче: никому не удалось пока обнаружить ни единой зацепки. Ничто не нарушало привычный уклад и размеренное течение жизни города Северодвинска! Не случилось ни одной приличной бандитской разборки, не исчезли таинственно никакие люди, а также документы с грифом, оружие у гибэдэдэшников, дубинки у постовых милиционеров или новейшие секретные разработки... А ведь все это было в наличии! Но не покусились...

Местный рынок был мал и неактивен. Ни малейшего намека не то что на передел, а и просто на раздел: на привычных местах торговали привычные субъекты с привычно налаженной крышей и фиксированной данью. Было отчего хмурить брови и задумчиво вздыхать.

— Ну-ну, не киснуть! — В голосе Талеева не было наигранного оптимизма. — Как там, Толя, у вас,

спортсменов, это называется? «Откатали обязательную программу».

— Фигуристы бы согласились.

— И это, безусловно, радует! Что у Гали в милицеском архиве? Вон какие наглядные графики: сезонный рост, сезонный спад и тишина в интересующем нас секторе, да?

— Я и сводки все, и донесения прочитала. В драках предпочитают применять ножи, в домашних разборках — охотничьи ружья. Два случая пистолетного огнестрела не показатель: у одного разрешение было, от пьяных подростков отстрелялся с легкими телесными, у второго — переделка из газового, кустарщина, как самого себя не прикончил еще?! Взрывчатка: единственный случай, отобрали у браконьеров на Двине. Чисто промышленный экземпляр — аммонит. Лет десять назад у геологов прикупил. — Алексеева замолчала и сожалеюще развела руками.

— Я понимаю, Голя, что тебе труднее всех было в ФСБ.

— Да чего ж там трудного? Вежливость, корректность, искреннее сожаление, что ничем не могут помочь «в связи с полным отсутствием фактов выраженной террористической направленности». Ведут постоянную работу в молодежных и националистических группировках. Поддерживают тесный контакт с военным Особым отделом... И вообще, добросовестно выполняют все предписанные процедуры, связанные с подготовкой и обеспечением

праздничных мероприятий. Дальше подобных «откровений» дело не шло ни в одном кабинете. Ну, ты понимаешь, командир, что какой-либо экстраординарный случай они бы не рискнули замолчать, учитывая мои полномочия. А в детали рутинной работы предпочли не вдаваться. Кстати, весь отдел уже переведен на усиленный режим службы...

— Стоп, Толя, не убаюкивай! Все это я и сам могу продолжить по итогам моего визита в Управление МВД. Бомжи бомжуют, «синяки» синеют, а немногочисленные ряды жриц свободной, но платной любви возмущенно ропщут на недостаток богатых клиентов. Руководству я посоветовал выделить по сотруднику Управления в помощь каждому участковому и за двое суток обойти все значные места в городе, «нехорошие» квартиры и т. д., и т. п. При малейших сомнениях, неувязках, подозрениях немедленно докладывать сюда. Да... В принципе из обязательных осталось одно место — завод. Его бы еще сегодня Вадим на себя взял, но придется, видно, мне уже завтра разбираться. Вместе с Гюльчатай! Она в отделе кадров займется списками недавно принятых на работу.

В это время из раскрытого на столе ноутбука слышался мелодичный негромкий сигнал.

— О, — журналист посмотрел на монитор, — посылочка от Куратора. Видно, нет времени выходить на видеосвязь. Сейчас откроем... Так, Вадим будет у нас завтра утром. А все остальное — это материалы на Азера. Негусто! Подсаживайтесь к столу, вместе просмотрим.

Действительно, это было обычное личное дело советского военнослужащего-офицера.

Азер-Паша Оглы Сиятов, азербайджанец, родился в Баку в семье инженера-конструктора и преподавателя музыки.

— А я думал, что Азер — это кличка, — Толя покрутил головой, — а оказывается, имя!

Учился в русской школе. Родители отца и вся его родня проживали в Нагорном Карабахе. Там же и погибли во время столкновений на этнической почве. Вместе с ними погиб отец Азера, который гостил у родных.

— Война там была самая настоящая! — Гюльчатая словно проснулась. — Какая подлость все списывать на армяно-азербайджанский конфликт! В том котле десятки национальностей варились. И русские в их числе! Вырезали людей не просто семьями, а целыми аулами. Там до сих пор головешки тлеют. Может, именно там следует искать корни перелома, который произошел в душе подростка?

— Тогда уж явно не без помощи родителей! Кстати, мать... а, вот: «умерла от инфаркта, когда сыну исполнился 21 год».

После школы поступил в Бакинское высшее военно-морское училище. Отличник. Знает, кроме русского, азербайджанский, турецкий, английский языки. Понимает многие горные наречия. Окончил химический факультет, специализация — радиометрия, радиология. Назначен начальником химической службы на одну из АПЛ Северного флота.

Через восемь лет уволился в запас по состоянию здоровья (?) в звании капитана 3-го ранга.

Прилагаются пять аттестаций, написанных как под копирку. Ни пятнышка на блестящей репутации.

Был женат с момента окончания училища и почти до увольнения в запас. В настоящее время разведен. Детей нет. Жена, бывшая: Тамара Мизина, уроженка поселка Первомайский, русская.

И ни строчки о дальнейшей судьбе! Если Куратор не смог ничего раскопать, значит, действительно ни в каких «анналах» этот человек не был зафиксирован.

— Ну, как вам?

На вопрос Талеева Анатолий только презрительно хмыкнул, а девушка поинтересовалась:

— За восемь лет службы в личном деле отмечены пять, нет, шесть войсковых частей с указанием только срока службы в каждой. От нескольких месяцев до двух с половиной лет. Это нормально?

— Да, Галчонок, нормально. Особенно в период развала флота, когда единственные носители знаний и опыта — офицеры — толпой повалили на гражданку. И никто их не задержал! Такие специалисты, как Сиятов, были на вес золота. Вот и кидали их с одной АПЛ на другую, чтобы обучить молодежь или в плавании обеспечить надежную эксплуатацию техники. Вообще по поводу флота и училища какие-то подробности может поведать Редин, когда появится. Конечно, самые общие и вряд ли имеющие прямое отношение к нашему объекту. Могу лишь добавить, что первые контакты с представителями террористи-

ческих структур возможны были еще в период обучения: в бакинском училище получали образование представители 40 (!) различных государств, преимущественно Африканского и Азиатского регионов. Я лично видел документальные материалы, в которых утверждается, что в «высшем руководстве» современных сомалийских пиратов сейчас стоят 40—50-летние выпускники именно бакинского училища!

— Не слабо! Отличная школа. Вот почему с ними справиться никак не могут. А зачем пиратам химикаты, патрон? Ром дегустировать, да?

— В Баку профильный факультет был штурманский, невежда! Вот они и ориентируются в море, как ты в своей квартире. А кроме рома тебе ничего эти документы не навеяли?

Толя пожал плечами:

— Разве что обильно пахло духом глубокого советского застоя.

— Думаю, и сейчас у военных мало отличий в плане кадровой бюрократии. Я тоже ничего не могу выжать из этого. — Гера махнул рукой на монитор: — Вот только... — Он замолчал.

— Ну-ну, командир! Сформулируй! — в надежде посмотрела на него Галя.

— Нет, ребята. Просто мелькнуло что-то неуловимое. Когда о жене читал. Зачем развод? Не понравилось, что муж военную службу бросает? Так по здоровью же. Или из-за отсутствия детей? Но восемь лет брака позади, свыклись, притерлись, не жалко? Ты как женщина что об этом думаешь?

— Для развода в каждой семье тысячи причин. Меня больше удивляет не конец, а начало.

— ?

— Я имею в виду брак. Она же русская, из глубинки. Для Азер-Паши Оглы такая жена — нонсенс. Где они вообще могли встретиться? Так... «родилась в пос. Первомайский». Да их в России не один десяток! И в наших бывших республиках не меньше.

— Значит, надо этот момент прояснить. — Журналист порылся в своей сумке. — Кто видел мой атлас?

Толя и девушка улыбнулись: привычка — или причуда — их командира везде носить с собой подробный географический атлас была прекрасно известна обоим.

Наконец Талеев обнаружил пропажу на прикроватной тумбочке и углубился в изучение. Ему не мешали. Время перевалило за полночь, Галя и Анатолий разошлись по своим номерам. Только Гера, ни на что не обращая внимания, с каким-то ожесточением листал страницы толстого издания взад и вперед. По его шевелящимся губам можно было отчетливо разобрать не слишком лестные отзывы в адрес и составителей атласа, и, вероятно, самих землепроходцев.

Около трех часов ночи незапертая дверь в номер Алексеевой без стука распахнулась с громким шумом. Внутри, как ураган, ворвался Талеев и прямоком направился к кровати девушки.

— Галка, Галка! Да поднимайся ты уже! — Он положил ладонь на прикрытое тонкой простыней плечо.

Девушка резко дернулась, глаза ее широко распахнулись и непонимающе уставились на неожиданного ночного гостя. Было видно, что она успела крепко заснуть.

— Смотри, ведь это многое меняет. — В руке возбужденного журналиста был все тот же атлас.

Галя приподнялась на кровати, оперлась спиной на объемную подушку и удерживала рукой сползающую простыню. Она еще ничего не понимала. Талеев взял со стула легкий спортивный свитер и протянул ей:

— Накинь и смотри. — Он сел прямо на покрывало в ее ногах. — Это карта Архангельской области. Я понял, что меня тогда заинтересовало в деле Азера: это упоминание, что его жена родилась в поселке Первомайский. Я видел это название на какой-то карте, но никак не мог вспомнить где.

— Гера, — девушка уже надела спортивный костюм, — успокойся, я все помню. Я еще сказала, что таких поселков в стране десятки или сотни.

— Я с лупой разглядел каждый миллиметр карты: нет ничего «первомайского». Но я же помню: видел!

— В любом другом регионе нашей обширной Родины...

— Нет-нет, меня просто не могли интересовать другие регионы. И я вспомнил! Еще в Москве, получив задание от Куратора, я, как обычно, захотел

сориентироваться на карте, но ее на даче не оказалось. И тогда я влез в интернет.

Жестом заправского фокусника Талеев извлек откуда-то из-под полы длинной вязаной кофты свой плоский ноутбук и открыл крышку. На экране была та же географическая карта Архангельской области.

— Смотри сюда. — Он потыкал пальцем куда-то рядом с большим красным кружком и крупной надписью «Архангельск». — Вот: ПЕРВОМАЙСКИЙ!

Галя согласилась:

— Ну и что?

— А вот здесь? — Журналист протянул ей атлас.

Девушка внимательно рассмотрела тот же квадрат на печатной карте. Ничего похожего на Первомайский там не было. Лишь чуть в стороне змеилась длинная надпись «Новодвинск».

— Какое-то странное расхождение, — задумчиво протянула Галя.

— Все это и сбило меня с толку. Сколько же яковырялся в этом... когда вы спать ушли. Никак не мог концы с концами связать. А подвела меня излишняя вера в непогрешимость Великой Мировой Паутины. Не буду интриговать, скажу, что мне удалось «накопать» в десятках разных сносок и отсылок: выложенная в интернете карта была взята из каких-то старых источников и ни разу не корректировалась. Поэтому ты и видишь поселок Первомайский. Но этот населенный пункт перестал существовать в 1977 году, когда был переименован в город Новодвинск! А мой

атлас значительно новее, там все соответствует реалиям сегодняшнего дня. Так что Тамара Мизина родилась в Новодвинске. А это в 20 км от Архангельска, 40 км от Северодвинска и совсем рядом — километрах в пяти — от крупного железнодорожного узла Исакогорка. Вот!

Галина минуты три еще сравнивала две карты, потом подняла взгляд на Талеева и второй раз произнесла:

— Ну и что?

— Как это «что»? По-твоему, совпадение, что она родом из этих мест?

Девушка грациозно повела плечом:

— Для меня лично этот факт лишь снимает вопрос, где она с Азером могла познакомиться: тут все рядышком. Было бы трудно объяснить их встречу, если бы поселок Первомайский ты отыскал на Сахалине. Это во-первых. А во-вторых, с чего ты решил, что именно в этом Первомайском и родилась Мизина? Насколько я помню, нигде в личном деле его месторасположение не уточнялось.

— И ты всерьез считаешь, что подобное совпадение может иметь место?! А как же «Совпадений не бывает!»?

— Ну что ты меня пытаешь? Ведь я прекрасно вижу, куда ты нацелился. Да, я, безусловно, согласна, что этот Первомайский-Новодвинск необходимо проверить: где родилась, как прошли первые семнадцать лет жизни, друзья, родственники... По полной «произвольной программе».

Гера наклонился вперед и громко чмокнул девушку в щеку:

— Умница ты моя ненаглядная! С самого утра я туда и отправлюсь.

— А...

— А ты — в отдел кадров завода! Дай Бог, чтобы нужные нам подробные списки принятых на работу тебе удалось составить к вечеру. Трудись.

— Возьми хоть Толю с собой.

— Пожалуй, так и сделаем. Нечего ему тут штаны просиживать. — Талеев заметил, что Галя украдкой зевнула. — Спи-спи, я уйду.

Он заботливо прикрыл девушку простыней, провел рукой по волосам и поцеловал в лоб. Потом, осторожно ступая, вышел из номера и бесшумно прикрыл дверь.

Начинался второй день...

ГЛАВА 3

Прямо из гостиничного номера журналист позвонил в Управление МВД и попросил данные о месте рождения (и проживания) Тамары Мизиной. Возможно, по мужу Сиятовой. Уже через час он получил всю информацию, каковой на данный момент располагали силовые структуры региона. Сведений было немного, но и они показывали, что поиски Команды в этом направлении не оказались напрасными.

— Командир, — на радиофицированной спецмашине МВД без опознавательной раскраски Гера с Анатолием подъезжали к Новодвинску, — если мы сейчас что-нибудь интересное накопим, давай прибережем это для нашего циркового друга. Он уже через пару часов появится. Сделаем ему приятный подарок: ты бы знал, как еще в Мурманске, по делу о Шпицбергенской находке, он рвался отрабатывать женскую линию! Называл это: поработать по «ля фаммам»! Все-таки у него какое-то особое отношение к женщинам. Не зря же и номер такой... специфичный работал в цирке.

Вообще в Команде не было принято распространяться о своей «предыдущей» жизни, но друзья знали, что Вадим много лет выступал на цирковых подмостках в качестве эквилибриста, жонглера, коверного и метателя кинжалов. В его большом номере «Дом летающих кинжалов» кульминационным был эпизод бросания ножей в девушку, одетую в белые развевающиеся одежды невесты и фату. Вадим с завязанными глазами девятью ножами пригвождал ее убранство к деревянному щиту.

— Непременно так и сделаем. Если только от нас не потребуется каких-то немедленных действий. — Талеев посмотрел в боковое окно. — Вроде по описаниям вполне приличный город с населением около сорока тысяч человек, а на вид — дыра дырой.

С водительского места откликнулся шофер:

— Так в центре все действительно по-современному, а по адресу, который мне дали, сплошные

старые дома. Сюда со времен поселка Первомайского ни строители, ни ремонтники не заглядывали. А нам еще и дальше вперед надо проехать! Да что там может быть? Лес или болото...

Разбитая грунтовка действительно отворачивала вправо, к виднеющейся вдалеке небольшой рощице. Несмотря на сухую и солнечную погоду, на дороге там и тут виднелись грязные лужи. Водитель, чертыхаясь, объезжал их как мог, пока не притормозил у неброского частного дома с невысоким забором.

— Приехали, товарищ генерал!

— Из машины не выходить! — приказал Талеев шоферу, а сам вместе с Анатолием не спеша двинулись в обход забора.

Дом выглядел нежилым. Два окна из четырех были заколочены, а ведущая от калитки тропинка заросла свежей травой. Сама калитка оказалась лишь неплотно прикрыта, что позволило друзьям беспрепятственно подойти к дому. Ступени крыльца были заметно стоптаны, а козырек над ним изогнулся и провис. Однако входная дверь оказалась плотной, прочной и закрытой на внутренний замок. Анатолий попытался что-нибудь разглядеть внутри через незаколотченные окна, но стекла были грязными, освещение скудным, и, кроме нечетких силуэтов какой-то мебели, ничего не было видно.

На участке слева от дома располагался приземистый сарай. Теперь такие строения все чаще используют в качестве гаража для автомобиля, но тут не было никаких следов от колес. Решив войти внутрь,

Гера взялся за большую железную скобу, заменяющую дверную ручку, и тут же услышал крик:

— А вам чё здесь надо, а?

Оба мужчины обернулись на голос с проезжей части дороги и увидели крупную женщину в ярко-красной непромокаемой куртке и высоких резиновых сапогах. Опиралась она на крепкую суковатую палку.

— Чё надо, я спрашиваю? — повторила женщина.

Ближе к грозной блюстительнице порядка оказался Толя. Он и заговорил, убедительно и неторопливо:

— Мы, видите ли, специально приехали из города, чтобы... э... на месте... посмотреть...

— А-а-а, так вы от Томки?

Анатолий коротко взглянул на командира и обстоятельно кивнул.

— Во девка безалаберная! Сколько раз ей говорю: предупреди! Так нет, все по-своему. Я что ж, должна цельными днями тут гулять? Не девочка, чай.

Женщина действительно была в том возрасте, когда особенно для деревенских жительниц количество прожитых лет уже не поддавалось визуальному определению.

— Мой-то дом во-о-о-н там, — она махнула рукой вниз по улице, — а больше близких соседей-то и нету. Екимовы в прошлом годе уехали, — она указала на соседнюю слева основательно покосившуюся избушку, — а Матрена с полгода как умерла... — Можно было понять, что этой Матрене принадлежал домик-пряник справа.

Талеев вежливо кашлянул.

— Вот я и говорю: предупреди. Э-э-х! Вам дом-то для прожитья иль как дача? А может, коттеж строить иль для земли?

Первым разобрался в ситуации Талеев:

— Мы, уважаемая, для того сюда и приехали, чтобы на месте определить: можно ли дом отремонтировать или надо будет все заново сооружать. Тогда и решим, стоит ли покупать. А насчет ключа с Тамарой и не договорились.

— Ну, это дело поправимое, — проговорила соседка, а потом вдруг подозрительно поинтересовалась: — Как же это вы с Томкой встречались, а ключ она вам не передала, а?

Но сбить журналиста было не так просто:

— Разве я говорил, что мы встречались с Тамарой? Она объявление в газетах напечатала, мы прочитали и позвонили ей по телефону.

— Ох, не люблю я эти живопырки. Не пользуюсь никогда. Да и слышать последнее время плохо стала. Обычно-то Томка людей сюда присылает со своими ключами. Вот они и ходють-бродють сколько захотят. Осматривают все, прикидывают. Иногда даже ночевать останутся, чтобы на ночь глядя не тащить-ся в свой город. Да никто пока не купил домишко. Я ведь Томке-то, дуре, сразу сказала: «Не найдешь ты покупателей! Никто не поедет в такую развалюху, да еще на краю земли». Оставалась бы сама тут жить, так, может, чего и сохранила. Но разве молодежь здесь усидит?! Быстренько в город на завод

усвистала. Хотя понятно: привыкла ведь ко всем городским удобствам.

Разговор с такой интересной собеседницей стал сейчас для Геры чуть не важнее осмотра дома.

— А ведь мы по телефону-то даже не поинтересовались у Тамары Николаевны, где она работает, где живет. Обмана бы какого не вышло!

— Ну какой же тут обман?! Все на виду. Да и завод-то в Северодвинске один, где ж ей еще бухгалтершей-то работать? А ключи запасные лежат в водостоке, который над крыльцом. Открывайте, смотрите, может, чё и надумаете.

— А сарай?

— Да на связке все ключи есть. Даже от подпола и кладовки.

— Ну, вы не просто женщина, вы — настоящий клад! А что, если не секрет, такое случилось, что Тамара Николаевна уехала отсюда и дом продает?

И опять Талеев очень точно определил психологический момент и особенности характера женщины: ей вовсе не хотелось расставаться с обходительными приезжими, а длительное молчание так и подмывало высказаться.

— Сначала ведь старая Никитична померла. Ой, да какая ж старая? Она меня-то лет на десять моложе! Эта мать была Томкина. Вдвоем они тут все время и жили...

— А муж где был, отец Тамары? — Талеев понял, что перебивать словоохотливую женщину было вполне допустимо. Это не сбивало ее, а, наоборот,

могло придать движению мысли новое интересное направление.

— Так не было его вовсе. Никому про него Никитична ни единого слова не рассказывала. Ой, да ладно, скажу уж! Вы люди, по всему, приличные, уважительные. Мамаша Томкина на наш Север вовсе девчонкой попала. — Женщина перешла на громкий шепот. — На зоне она тут сидела под Неноксой за какие-то грехи юности. Не знаю, врать не буду. Говорит, четыре года отсидела ни за что, а на свободу вышла уже с младенцем на руках. Во как бывает-то! И никуда не уехала, осталась работать на цементном комбинате в нашем Первомайском. С божьей помощью дом выправила, всем селом помогали строиться. Другие люди раньше были...

— Так с дочкой и жила?

— Ага. На мужиков не заглядывалась. Может, конечно, когда и подлюбилась несколько раз: как же бабе-то молодой без этого, но замуж ни-ни! Все дочку растила. А та красавицей получилась и умницей. Школу кончила и в техникум бухгалтерский пошла в Архангельске. Потом этого встретила, мужа своего. Имя такое чудное, не наше: Паша какой-то. Из восточных он и, наверно, знатного рода. А здесь где-то офицером морским был. Красавец! Я его один раз видела. Это когда они с Томкой после свадьбы к матери заезжали. Три дня повеселились и куда-то под Мурманск укатили. Там Паша служил. Так вот, за прошлый год Никитична и померла. Рак легких. На нашем цементном комбинате многие так кончают.